

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2023. 14(2): 99-111

DOI: 10.13187/rs.2023.2.99
<https://rs.cherkasgu.press>

Russian Historiography of Cossack Collaborationism during the Great Patriotic War of 1941–1945

Mikhail V. Pogrebovsky ^{a, *}

^a Southern Federal University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the modern Russian historiography of Cossack collaborationism during the Great Patriotic War. The main historiographical sources are monographs, dissertations and scientific articles written by Russian historians. The interest in this topic arose in the late 1990s, but since the beginning of the 2010s there has been a decline in the research attention to the Cossack collaborationism. In Russian historiography, the political and military activities of the Cossack emigration, the history of the creation, functioning, and disbandment of the largest Cossack collaborationist formations have been studied in sufficient detail: the Cossack camp of marching atamans S.V. Pavlov and T.I. Domanov, 1st Cossack Cavalry Division and 15th SS Cossack Cavalry Corps under General H. von Pannwitz. The most promising areas for further study of Cossack collaboration are the actions of Cossack collaborators on the territory of Ukraine, Belarus and European countries.

Keywords: the Great Patriotic War, collaborationism, Cossacks, Nazi occupation, Russian historiography, Don, Kuban, Terek.

1. Введение

В современной исторической науке исследование проблемы коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны переживает научный подъем и имеет широкие перспективы изучения, но в то же время остается весьма острой для российского общества. В силу своей общественной значимости факты сотрудничества советских граждан с военными, политическими и другими органами нацистской Германии вызывают споры и противоречивые суждения в обществе как таковом и в научной среде в особенности. Количество работ, посвященных различным проявлениям коллаборационизма на территории воевавшего с Германией СССР, с начала XXI в. неуклонно растет. При этом для исследователей наибольший интерес представляет военный коллаборационизм.

Подробный разбор историографии казачьего коллаборационизма в период Великой Отечественной войны является актуальным, поскольку, во-первых, в специализированной литературе данной теме уделяется недостаточно внимания. Историографические обзоры трудов по военному коллаборационизму при рассмотрении казачьего коллаборационизма ограничиваются количественными данными (Хисамутдинова, 2013; Мартынов, 2013; Молодова, 2015; Булыга, 2018). Во-вторых, тема казачьего коллаборационизма связана с такой исследовательской проблемой, как особенности сотрудничества советских граждан с противником в различных регионах СССР: на территории Дона и Кубани оно складывалось несколько иначе, чем, например, в оккупированных областях средней полосы России.

* Corresponding author

E-mail addresses: pogrebovskijmihail@mail.ru (M.V. Pogrebovsky)

В-третьих, изучение историографии казачьего коллаборационизма актуально в контексте того, что казачество сыграло значительную роль в годы Великой Отечественной войны. Большую значимость в России казачество играет и сегодня: с конца XX в. мы можем наблюдать возрастание как общественного, так и научного внимания к данной теме, что отразилось в том числе на специфике формирования историографии проблемы.

2. Материалы и методы

В ходе историографического анализа были рассмотрены монографии, научные статьи и диссертационные исследования, посвященные военному коллаборационизму в годы Великой Отечественной войны. Российская историография включает в себя работы, выполненные российскими учеными и опубликованные с 1992 по 2023 гг. на русском языке на территории Российской Федерации.

Историографические источники были выявлены в электронных каталогах Российской государственной библиотеки, Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, Научной электронной библиотеки КиберЛенинка, в цифровых ресурсах dissercat.com, academia.edu и других. В источниковую базу вошли как обобщающие работы по коллаборационизму в годы Великой Отечественной войны, так и исследования по военному сотрудничеству граждан СССР с нацистскими захватчиками, а также специализированные работы по казачьему коллаборационизму.

3. Обсуждение и результаты

В историографии советского периода изучения коллаборационизма среди советских граждан как самостоятельного научного направления не существовало. Несмотря на то, что деятельность генерал-лейтенанта А.А. Власова и военные преступления национальных добровольческих формирований упоминались и всецело осуждались на страницах ряда работ, посвященных Великой Отечественной войне, создание и деятельность оккупационных органов и органов местного управления на захваченных территориях СССР, функционирование коллаборационистской прессы и военных коллаборационистских структур, действовавших под эгидой германского командования, оставались недостаточно изученными.

Можно выделить несколько работ (Ивлев, Юденков, 1988; Галкин, 1989 и др.), которые затрагивали тему отношений оккупационных властей и населения захваченных территорий. Эти исследования показывают сущность, организацию, методы, формы, масштабы и итоги немецкой пропаганды, ее влияние на граждан СССР, их авторы рассматривают особенности того механизма власти, который создавался захватчиками. Но советские историки конца 1980-х гг. рассматривали не столько пропагандистскую деятельность Германии и коллаборантов, сколько пути и методы Советского Союза по успешной борьбе с этой пропагандой. Нельзя отрицать огромный вклад советских историков в изучение Великой Отечественной войны, но в то же время нужно признать, что идеологическое, духовное и национальное единство народов Советского Союза считалось в то время аксиомой.

Основу изучения казачьего коллаборационизма в современной российской историографии заложил С.И. Дробязко. Именно С.И. Дробязко фактически первым подверг тему военного коллаборационизма среди граждан СССР строгому научному рассмотрению в своей кандидатской диссертации (Дробязко, 1997). Спустя два года после защиты кандидатской диссертации он опубликовал работу, впервые рассматривавшую казачий коллаборационизм как научную проблему вместе с восточными легионами вермахта в российской историографии, что видно из самого названия работы «Вторая мировая война 1939-1945. Восточные легионы и казачьи части в Вермахте» (Дробязко, 1999).

Ввиду широты темы, небольшого объема и популярного характера книга большей частью носит историко-описательный характер. С.И. Дробязко приводит основные факты о наиболее известных казачьих коллаборационистских частях и соединениях, таких, как кавалерийский полк «Платов», кавалерийский полк «Юнгшпульц», Казачий стан, 1-й казачий конный полк, 15-й казачий корпус СС. Остальные казачьи формирования упоминаются достаточно кратко. В данной работе нельзя найти изложения причин и предпосылок казачьего коллаборационизма. Но во введении приводится характеристика деятельности немецкого командования по привлечению коллаборантов на свою сторону. Относительно численности казачьих коллаборационистов С.И. Дробязко говорит крайне бегло и обобщенно: казаки, по его мнению, составляли не более 70 тысяч человек в составе войск вермахта и СС (Дробязко, 1999:

2), притом их распределения по конкретным частям автор не приводит. В работе отсутствует обобщающий вывод, в завершении автор лишь приводит данные о том, что руководители казачьих коллаборационистов были осуждены на открытом судебном процессе над нацистскими военными преступниками в Москве в 1947 г. и казнены.

Тема казачьего коллаборационизма была значительно глубже раскрыта С.И. Дробязко в его работе «Под знамёнами врага» (Дробязко, 2004), вышедшей в 2004 г. Стоит также отметить, что данная работа до сих пор является одним из самых полных обобщающих исследований по вопросам военного коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны. В отличие от первой книги, в данной монографии историк уделяет достаточно много внимания специфике казачьего коллаборационизма, его особенностям, причинам и предпосылкам возникновения. В частности, говорится о том, что казакам, как наиболее сплоченной части русской эмиграции, удалось сохранить и свой особый этос, и даже войсковую организацию. Также казачья эмигрантская среда была наполнена идеями мессианства и возрождения казачества. Автор, кроме того, отмечает, что предпосылки казачьего сотрудничества с врагом можно отнести к 1930-м гг., когда в казачьей эмигрантской прессе возникли идеи о военном реванше и создании независимого казачьего государства.

С.И. Дробязко дал развернутую характеристику казачьим добровольческим частям. Она включала в себя информацию о времени и месте создания подразделений, данные о том, в состав каких формировавших вошли те или иные соединения, переименования этих подразделений, участие в конкретных боевых действиях, сведения о командном составе и дальнейшей судьбе. Всего в работе упомянуто более 200 различных казачьих коллаборационистских вооруженных формирований. Относительно численности казаков-коллаборантов С.И. Дробязко остается на прежних позициях и оценивает их в 70 тысяч человек, из которых около 30-35 тысяч человек относит к войскам СС (Дробязко, 2004: 523). Историк отмечает особое отношение германского командования к казакам, как к людям, наиболее открытым и готовым к сотрудничеству, указывает на пропаганду идеи о полномасштабном сотрудничестве немцев с казаками (Дробязко, 2004: 149). Подробным образом изложен сам процесс создания казачьих коллаборационистских формирований – от попадания казаков в плен до распределения их по военным соединениям и резервным частям.

В рассматриваемой работе историк поднимает и вопрос о том, насколько можно верить имеющимся источникам по теме военного коллаборационизма среди казачества, поскольку пленные могли представляться казаками и вступать в казачьи формирования, не являясь таковыми (Дробязко, 2004: 67). Тем не менее, автор делает вывод о том, что в своей основной массе казаки, пошедшие на сотрудничество, были в своих действиях сознательны и сделали выбор, исходя из своих политических и идеологических убеждений (Дробязко, 2004: 70).

Казачьему коллаборационизму не была посвящена отдельной главы монографии, но, суммируя упоминания о нем в различных разделах, можно сделать следующие выводы: коллаборационисты-казаки в основном представлены уроженцами Дона, Кубани и Терека. Терское казачество на фоне сотрудничества с немцами донцов и кубанцев проявило себя не так активно, но и среди кубанских и донских казаков выделить наиболее лояльных к Германии также сложно, поскольку не всегда человек, позиционирующий себя в данном качестве, попадал в соответствующие соединения. Также нужно сказать, что казачьи части, в отличие от частей из советских военнопленных, таких, как Русская освободительная армия (далее – РОА) или Русский охранный корпус, пользовались гораздо большим доверием гитлеровцев. В связи с этим организация казачьих частей была систематизирована уже к осени 1942 г. (Дробязко, 2004: 160). Казачьим формированиям доверяли боевые задачи, часто использовали для борьбы с партизанами на территории Белоруссии и Украины (Дробязко, 2004: 190), а также, ввиду их специфики, против советской кавалерии (Дробязко, 2004: 205).

С.И. Дробязко приводит много эпизодов боевых столкновений казачьих частей вермахта с советскими войсками. В то же время историк обращает внимание на то, что казаки использовались исключительно как военный инструмент, но никак не политический и не пропагандистский, в отличие от РОА. Он отмечает, что со стороны Германии не было «заигрываний» с казаками по поводу их послевоенной судьбы, поскольку идеи создания т.н. «Казаккии» ни в коей мере не могли входить в планы по дальнейшей эксплуатации Германией захваченных на Востоке территорий (Дробязко, 2004: 349).

Значимым событием в развитии историографии проблемы стала защита в 2003 г. кандидатской диссертации Л.В. Табунщиковой на тему «Донские антисоветские казачьи

структуры и Германия в 1918 и 1941-1945 гг.» (Табунщикова, 2003). Главной целью исследования являлся сравнительный анализ доно-германских контактов в ходе Гражданской и Великой Отечественной войн через рассмотрение влияния немцев на внутривосточную жизнь донцев в 1918 г., и рассмотрение казачьего фактора в оккупационной политике немцев в 1942-1943 гг. В ходе диссертационного исследования Л.В. Табунщикова приходит к ряду выводов, в частности, о том, что если в 1918 г. квазигосударственное казачье образование вступило в контакт с Германией на достаточно высоком уровне союзных отношений, то в период Великой Отечественной войны контакты между немцами и казаками велись на принципиально ином уровне: Третий рейх не видел в лидерах казачьих коллаборантов равных себе политических и военных деятелей, поэтому казачество находилось в подчиненном положении по отношению к нацистским захватчикам.

В 2005 г. в свет вышла монография П.Н. Крикунова «Казаки. Между Гитлером и Сталиным» (Крикунов, 2005). Эта работа на сегодняшний день остается самым главным специализированным исследованием по казачьему коллаборационизму в период Великой Отечественной войны – военному, политическому, идеологическому и иным проявлениям сотрудничества. Необходимо отметить источниковую базу исследования: если С.И. Дробязко использовал для исследования казачьего коллаборационизма преимущественно материалы Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ), Российского государственного архива социально-политических исследований и Российского государственного военно-исторического архива, то П.Н. Крикунов активно использовал и региональные архивы, в частности, Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО), Таганрогский и Шахтинский филиалы ГАРО, Центр государственной документации новейшей истории Ростовской области, Архив Управления Федеральной Службы Безопасности по Ростовской области. Использовались в монографии и зарубежные архивы – в том числе Русский зарубежный исторический архив, куда исследователь обращался за материалами канцелярии атамана М.Н. Граббе, представителя Донского атамана в Чехословакии С.В. Маракуева и т.д. П.Н. Крикунов широко использовал также корпус источников личного происхождения – письма П.Н. Краснова, В.Г. Науменко, Е.И. Балабина, Ф.Ф. Абрамова и других деятелей казачьего коллаборационизма.

Строго говоря, данная работа является обобщающей по всему казачьему коллаборационизму, поэтому П.Н. Крикунов ведет речь не только о боевых частях казаков, но и об их политических и идеологических взглядах. Особого внимания удостоились Казачий стан, 1-я казачья кавалерийская дивизия и 15-й казачий кавалерийский корпус СС генерала Г. фон Паннвица. Гораздо более подробно, чем в работах, упомянутых ранее, рассматриваются планы германского командования на использование казаков-коллаборантов в пропагандистских целях.

Если говорить о численности казаков-коллаборантов, то П.Н. Крикунов полагает, что их точное количество определить сложно, но оно колеблется от 70 до 110 тысяч человек. В своих подсчетах он учитывает детей, женщин и стариков из казачьих семей. Из них от 25 до 30 тысяч человек числились в 15-м казачьем кавалерийском корпусе генерала Г. фон Паннвица, около 30–35 тысяч в Казачьем стане атамана Т.И. Доманова, до 2 тысяч человек – в Казачьем резерве генерала А.Г. Шкуро, около 1,5 тысяч – в 1-м казачьем полку генерала В.Э. Зборовского в составе Русского охранного корпуса. Констатируется, что большое количество казаков в виде отдельных сотен, эскадронов, рот, взводов и команд, а также мелких групп и одиночек, находились как в различных немецких частях, так и в РОА, что значительно усложняет подсчеты (Крикунов, 2005: 53). В то же время тысячи казаков были разбросаны по территории Европы. Весной – летом 1945 г. советским властям было выдано примерно 50–55 тысяч казаков (Крикунов, 2005: 230).

Исследователь проводит данные о территориальном распределении казачьих коллаборационистских частей. В частности, сообщается, что в Ростове-на-Дону в период второй оккупации несли службу в качестве городского гарнизона 800 казаков. Общая численность всех казачьих частей, сформированных на территории Украины, оценивается автором в 15-20 тысяч человек. Присутствие казаков-коллаборантов в Белоруссии оценивается П.Н. Крикуновым всего в 2,5 тысяч человек, в то время как на территории Польши еще в 1944 г. он насчитывает около 15-17 тысяч казаков (Крикунов, 2005: 163). В этом проявляется новизна, поскольку С.И. Дробязко проводил подсчеты по конкретным формированиям, а не по регионам их расположения.

Проводя некоторую дифференциацию между казачьими регионами, исследователь констатирует, что донское казачество было гораздо более организованным и централизованным в сравнении с кубанским. Ссылаясь на опыт добровольческих формирований, созданных на территории современного Краснодарского края, автор делает вывод, что кубанских казаков в среде коллаборантов было меньше донцов (Крикунов, 2005: 150). Подобным образом он попытался условно разделить города на «более» и «менее» казачьи. Например, город Таганрог назван историком «самым неказачьим городом Дона» (Крикунов, 2005: 95), основной костяк коллаборационистских сил здесь составляли не потомственные казаки, как в Штабе Войска Донского, а бывшие белые офицеры и солдаты, сражавшиеся против большевизма в годы Гражданской войны. В свою очередь, Новочеркасск был указан как «наиболее казачий» город Ростовской области (Крикунов, 2005: 94).

П.Н. Крикунов также приводит данные относительно небоевых обстоятельств деятельности казачьих коллаборантов, в частности, рассказывает о выборах атаманов в различных станицах Ростовской области и переписи казачьего населения. По его данным, из всего населения города Ростова-на-Дону, достигавшего 400 тысяч человек, казаками позиционировали себя около 6 тысяч человек, т.е. 1-2 % населения. В работе нашлось место для коллаборационистского казачьего фольклора – приводятся тексты полковых гимнов, песен и частушек, информация о военных оркестрах, формах отдыха и развлечения казаков.

Стоит сказать, что в данной работе затрагивается тема, которой находилось не так много места в предыдущих исследованиях – коллаборационизм среди терского казачества. Отмечается, что на территории проживания терских казаков формирование казачьих частей шло гораздо меньшими темпами, чем на Дону и Кубани (Крикунов, 2005: 152). П.Н. Крикунов рассматривает деятельность 7-го Терского полка под командованием майора Г.П. Назыкова, 10-го Терско-Ставропольского полка полковника Маслова и других формирований, созданных из терских коллаборантов. Также освещены действия 2-го Сибирского полка против партизанских отрядов на территории Белорусской ССР.

Наряду с этим отмечается, что в казачьих землях находились и активные защитники Родины от захвата ее фашистскими оккупантами. Свидетельством этого явилась развернувшаяся партизанская война и подпольная деятельность на оккупированных территориях. Так, только в районе Краснодара действовало 87 партизанских отрядов, многие из которых состояли из казаков (Крикунов, 2005: 216).

Автор рассматривает деятельность коллаборационистов не только на территории СССР, но и на территории других стран Европы в период Второй мировой войны. По оценке П.Н. Крикунова, 1-я казачья кавалерийская дивизия и 15-й кавалерийский корпус СС относились противником к числу самых крупных, надежных и боеспособных воинских формирований из восточных добровольцев и сыграли большую роль в борьбе с югославскими партизанами на завершающем этапе войны. Отчаянность в боевых действиях со стороны казаков-коллаборантов во многом объясняется их планами по обустройству своих земель после окончания войны.

Работа П.Н. Крикунова занимает значительное место в историографии военного коллаборационизма в целом и казачьего коллаборационизма в частности. Исследование темы продолжилось в трудах других историков. Следующим этапом в изучении темы стала работа О.В. Романько «Советский легион Гитлера» (Романько, 2006), вышедшая на следующий год после работы П.Н. Крикунова. В данной работе О.В. Романько, как это видно из названия, исследует участие советских коллаборационистов, в том числе и казаков, в войне в составе вермахта и СС. По мнению О.В. Романько, они составляли не более 70 тысяч человек, если брать в расчет и вермахт, и СС. Причем 50 тысяч казаков О.В. Романько относит к войскам СС и только 20 тысяч человек – к вермахту (Романько, 2006: 568).

В остальном выводы О.В. Романько совпадают с результатами исследований П.Н. Крикунова и С.И. Дробязко, он активно ссылается на них. В основном, он рассматривает 15-й Казачий кавалерийский корпус СС и Казачий стан, военную активность Краснова, Панвица, Доманова и других деятелей казачьего командования. Представляется интересной попытка О.В. Романько выстроить некоторую динамику и иерархию добровольческих формирований в представлении самих немцев: так, наибольшим доверием пользовались добровольцы из германоязычных стран Европы, затем шли другие европейские коллаборационисты, сразу после – казаки, за счет их легендарной отваги и распространенному уже в то время мнению о их антисоветской направленности, затем

формирования из тюрков, мусульман и кавказцев, после – славяне и народы Прибалтики (Романько, 2006: 402).

Весьма интересным представляется такой факт, фигурирующий в работе О.В. Романько: по не совсем ясным причинам немецкая сторона считала понятия «казаки» и «калмыки» родственными. Это выразилось в том, что калмыков часто причисляли к казакам и направляли в казачьи формирования. Автор приводит документ «Использование местных вспомогательных сил на Востоке», выпущенный верховным командованием сухопутных сил вермахта в августе 1942 г., и инструкцию, к нему прилагающуюся. Именно там казаки и калмыки обособлены в отдельный пункт как равноправные союзники, сражающиеся плечом к плечу с германскими солдатами против большевизма в составе боевых частей (Романько, 2006: 399).

Историк говорит о том, что статус всякого иностранного добровольческого формирования зачастую не был постоянным и зависел от внешней военной и политической ситуации. Тем не менее, приводятся причины, по которым казачество находилось на достаточно высоком положении у нацистских захватчиков по сравнению с другими коллаборантами: во-первых, в псевдо-научной нацистской теории о национальной принадлежности казаков говорилось о том, что их предки были арийцами, жившими по соседству с германскими племенами, во-вторых, немцы оценили высокие боевые качества казаков, в-третьих, если отношение Германии к тем или иным народам могло меняться по определенным причинам, казаки представляли собой не этническую общность, а социальную и уже потому не вызвали дополнительных вопросов у немецкого командования.

Свой вклад внес в историю рассматриваемой проблемы известный исследователь различных форм коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны Б.Н. Ковалев. Несмотря на то, что в центре его внимания по большей части находятся различные формы невоенного сотрудничества, в работе «Коллаборационизм в России» нашлось место для проблемы взаимодействия казаков и немцев. В отношении численности казаков-коллаборационистов Б.Н. Ковалев не приводит новой информации, а ограничивается все той же цифрой в 70 тысяч казаков (Ковалев, 2009: 18), не распределяя их между вермахтом и СС. Стремясь рассмотреть деятельность коллаборантов на территории всей оккупированной территории РСФСР и выявить ее особенности, Б.Н. Ковалев берет во внимание случаи кооперации казаков с оккупантами на территории Смоленской, Калужской, Брянской и Псковской областей, а также в берлинской «Казачьей сотне СС» (Ковалев, 2009: 35). Ранее подобного шага не предпринималось, исследователи, как правило, ограничивались Украиной и Белоруссией. В работе Б.Н. Ковалева не было поставлено отдельной задачи относительно казачьего коллаборационизма, однако приведенная монография является качественным дополнением к работам предшествующих исследователей по этой теме.

В дальнейшем отражение темы казачьего коллаборационизма нашло себя в работах ростовского историка Е.И. Журавлева (Журавлев, 2009; Журавлев, 2012). Исследования Е.И. Журавлева носили региональный характер, поэтому в центре внимания находился не казачий коллаборационизм, как таковой, но его проявления на территории Юга РСФСР, в особенности на землях современных Ростовской области и Краснодарского края. Е.И. Журавлев рассматривал коллаборационизм на территории юга России во всех возможных его проявлениях, но внес вклад и в разработку вопроса военного сотрудничества казаков с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны.

Можно отметить следующую новизну в исследованиях данного автора: подробно рассмотрена работа Штаба Войска Донского и его представительств в городах Новочеркасск, Каменск и в других местах. Состав так называемого комитета по казачьим делам, созданного в Ростове-на-Дону с разрешения оккупационной администрации, приведен Е.И. Журавлевым поименно и даже с некоторыми биографическими сведениями (Журавлев, 2009: 22). Историк касается также вопросов коллаборационизма кубанских казаков. Так, приводится весьма интересный и почти не встречающийся в научной литературе эпизод создания казачьего квазигосударственного образования на Юге России (Журавлев, 2009: 23): с разрешения немецкого командования на оккупированной части Кубани был создан т.н. «казачий автономный район», который по окончании войны предлагалось преобразовать в «атаманское губернаторство». Населению здесь гарантировалась полная свобода в культурной, образовательной и религиозной деятельности, в остальном же проживавшие там казаки должны были следить за сохранением оккупационных порядков. Данный эксперимент

Восточного министерства начался в начале октября 1942 г. и завершился с отступлением немцев в феврале 1943 г. Данный факт представляется особо интересным, поскольку до этого для историков более волнующим вопросом была политическая активность донского казачества (Дробязко, 2004: 45; Крикунов, 2005: 160; Романько, 2006: 114).

Е.И. Журавлев подробно рассказывает о политике германского командования по сбору, регистрации и фильтрации казаков перед их распределением по конкретным частям. Например, рассматривается работа Главного штаба формирования казачьих войск Кубани, Дона и Терека, располагавшегося в тогда еще украинском Мелитополе (Журавлев, 2009: 28): для попадания в 3-й Донской полк и особые казачьи формирования обязательным требованием было наличие приговора от судебных инстанций, находящихся в юрисдикции советской власти, на лишение свободы минимум на 10 лет. Подобных характерных эпизодов Е.И. Журавлев приводит достаточно много. Он также внес вклад в рассмотрение проблемы отношений казаков и калмыков, поднятой ранее О.В. Романько. Из изложения автора мы узнаем, что среди калмыцких коллаборантов были националисты, стремящиеся к обособлению от донских казаков, а также т.н. «казакоманы», которые видели будущее поствоенной Калмыкии в составе казачьего образования «Казакция» (Журавлев, 2009: 31).

Автором ряда работ по казачьему коллаборационизму является Е.Ф. Кринко. В одной из статей (Кринко, 2013) историк определяет количество казаков в числе коллаборантов в 70-80 тысяч человек, делая поправку на то, что лишь около 50 тысяч можно было отнести к потомственным казакам, что близко к выводам С.И. Дробязко и О.В. Романько, но значительно ниже показателей, приводимых П.Н. Крикуновым. Основным достоинством работы можно считать то, что в рамках статьи автору удалось достаточно подробно рассказать о деятельности казаков-коллаборантов от начала Великой Отечественной войны до их действий вплоть до весны 1945 г. В другом исследовании (Кринко, 2019) Е.Ф. Кринко сужает объект до коллаборационизма казаков на территории Дона – в частности, речь идет об участии казаков-коллаборантов в сражениях за Ростов-на-Дону, Новочеркасск и Таганрог. Также интересными представляются эпизоды о противостоянии донских казаков по обе стороны фронта – на стороне вермахта и СС – с одной, на стороне РККА – с другой.

С течением времени проблемой казачьего военного коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны заинтересовались историки Краснодарского края. Одним из таких исследователей стал О.В. Ратушняк. Его статья «Участие казачества во Второй мировой войне на стороне Германии» (Ратушняк, 2013), вышедшая в 2013 г. и по названию претендующая на обобщающий характер изложения всего казачьего коллаборационизма в 1939-1945 гг., содержит большое количество эпизодов коллаборационизма среди кубанских казаков. Это позволяет сделать вывод о том, что она носит скорее региональный характер.

В данной статье О.В. Ратушняк более подробно, чем его предшественники, рассматривает деятельность коллаборационистских формирований, состоящих по большей части из кубанских казаков и сформированных на территории Кубани – 82-го казачьего эскадрона под командованием кубанского казака М. Загородного, казачьей части «Свободная Кубань», казачьего резерва под командованием кубанца А. Шкуро. В остальном же статья О.В. Ратушняка представляется историко-описательной. Единственным архивным источником стало дело из ГАРФ, ссылок на региональные архивы не указано, что объясняется, по-видимому, сжатыми рамками работы.

Частично вопрос казачьего коллаборационизма затронул С.И. Линец в статье о коллаборационизме на территории Северного Кавказа в период Великой Отечественной войны (Линец, 2016). Однако тут казачий коллаборационизм был упомянут всего несколько раз и представлен в самых общих фактах, как и в ряде последующих работ данного автора.

Несколько особняком стоит исследование С.В. Богданова и Я.А. Торхова (Богданов, Торхов, 2016), поскольку оно полностью посвящено деятельности казачьего добровольческого отряда на территории средней полосы России, а не южных ее регионов. В статье приводятся факты из ранее не публиковавшихся материалов архивов региональных управлений ФСБ России по Белгородской области и Курской области. Работа посвящена рассмотрению условий и особенностей формирования Львовского казачьего отряда из числа коллаборантов на территории Курской области в годы немецкой оккупации. Авторы достаточно подробно рассмотрели историю коллаборационистского формирования: рассказывается о создании отряда в г. Рыльске, его руководителях, участии в репрессивных мерах по отношению к населению и партизанах, причинах низкой боеспособности и дальнейшей судьбе.

Одно из последних исследований по изучению сотрудничества казаков и немецких захватчиков – статья Б.А. Малиницкого и Э.Н. Нежигай, опубликованная в 2023 г. (Малиницкий, Нежигай, 2023). Предмет изучения весьма необычный – образ казаков-коллаборантов в литературе. В качестве источников авторы используют повести «Шла война народная» П.К. Ушакова, «Они приближали рассвет» В.А. Попова и другие, а также научные работы по теме коллаборационизма, в том числе, упомянутые выше. Историки проводят параллели между образами коллаборантов, включая и казаков, в художественной и научной литературе. Вывод исследователей состоит в том, что образы казаков-коллаборационистов в двух видах источников не противоречат друг другу, но имеют некоторые различия: если в научной литературе понятие коллаборационизма имеет четкое определение, то в художественной литературе, особенно советского периода, это понятие раскрывается за счет привлечения психологических эффектов и рассуждений о мотивах предательства своей Родины. Данная статья не несет в себе принципиально новых сведений относительно количества казаков-коллаборантов или других вопросов, оговоренных выше, но сама постановка проблемы представляется интересной и заставляет задуматься о том, что подобного рода исследования могут быть проведены, например, и в отношении образа казаков-коллаборантов в кинематографе.

Обобщая данные историографического анализа, можно сделать некоторые выводы по основным вопросам казачьего коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны. Численность казаков-коллаборационистов в российской историографии представлена в работах, носящих как обобщенный, так и специальный характер. Большинство историков, как опубликовавших работы в конце 1990-х гг., так и проводивших исследования в середине 2000-х гг., в том числе, С.И. Дробязко и О.В. Романько, сходятся во мнении, что коллаборантов в среде казаков было около 70 тысяч человек. К вермахту О.В. Романько относит 20 тысяч казаков и 50 тысяч – к СС. С.И. Дробязко – 30 тысяч к войскам СС и 40 тысяч человек – к частям вермахта. Однако есть и альтернативная оценка до 110 тысяч человек в монографии П.Н. Крикунова, из них 30 тысяч казаков данный исследователь также относит к СС. Констатируется, что большое количество казаков в виде отдельных сотен, эскадронов, рот, взводов и команд, а также мелких групп и одиночек, находились как в различных немецких частях, так и в РОА, что значительно усложняет подсчеты.

Наибольшее доверие вызывают данные С.И. Дробязко, поскольку он использует такие источники, как документы из ГАРФ: фонда 5761 (Общеказачье объединение в Германской империи, 1939-1945 гг.), фонда 5762 (Канцелярия Казачьего национально-освободительного движения, 1941-1944 гг.) и фонда 5796 (Юго-Восточное отделение Объединения русских воинских союзов, 1939–1945 гг.). С другой стороны, П.Н. Крикунов, основываясь на не менее репрезентативной источниковой базе, приводит гораздо большее количество казаков-коллаборационистов. Дело в том, что историк включает в их число казаков-эмигрантов и тех жителей Кубани и Дона, которые отступали вместе с казачьими частями вместе с вермахтом при наступлении РККА.

Вопрос о том, насколько военнослужащие казачьих частей вермахта и СС являлись в действительности казаками, впервые поднял в своей работе С.И. Дробязко: «Речь шла о выборе между жизнью и смертью в лагере от непосильного труда, голода и болезней. Изъявляя желание вступить в германскую армию, многие из них объявляли себя “казаками”» (Дробязко, 2004: 67). Но каких-либо конкретных данных о том, сколько казаков можно причислить к потомственным, а сколько попало в казачьи части по другим обстоятельствам, он не привел. Относительно данного аспекта высказал свое мнение и автор ряда статей по коллаборационизму на юге России Е.И. Журавлев (Журавлев, 2009).

На данный момент историкам достаточно сложно сказать, сколько именно в среде коллаборантов было донских, кубанских и других казаков. Конечно, можно подсчитать личный состав всех формирований, носивших названия донских или кубанских. Но, во-первых, не всегда человек, идентифицирующий себя как донской казак, попадал в полк, дивизион, отряд или сотню, носивший соответствующее название. Во-вторых, зачастую донские формирования пополнялись за счет вновь прибывших в распоряжение немцев пленных, беженцев или эмигрантов. Тем не менее, П.Н. Крикунов, проводя некоторую дифференциацию между казачьими регионами, констатирует, что донское казачество было гораздо более организованным и централизованным в сравнении с кубанским (Крикунов, 2005: 93, 150).

Историки склоняются к мнению, что подавляющее большинство казаков пошло на сотрудничество с немцами добровольно и сознательно – это видно из эффективности их боевой деятельности против партизан и по карательным акциям в немецком тылу, что и вызывало особое доверие нацистов. Можно также сказать, что казаки старательно сохраняли свой культурный код, элементы казачьего этоса, обычаи и традиции. В связи с этим можно привести работу К.М. Александрова «Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели» (Александров, 2005: 353), автор которой отмечает, что казаками Дона и Кубани в качестве гимнов воинских подразделений использовались как песни дореволюционного периода, так и народные песни еще XVIII в. Свой вклад в этот вопрос внес Б.Н. Ковалев, приведший данные о выборах атаманов в разных станицах Ростовской области, о быте и повседневности казаков-коллаборантов, а также о музыкальном театре терских казаков в Ставрополе (Ковалев, 2009: 222). В работе П.Н. Крикунова приводится интересный пример с формой астраханских казаков: они могли носить неуставные предметы обмундирования, характерные для казачьей формы дореволюционного периода, чему не препятствовало немецкое командование (Крикунов, 2005: 219).

4. Заключение

Можно сделать следующие выводы о развитии историографии казачьего коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны: зарождение интереса к теме возникло в конце 1990-х гг. Она активно исследовалась историками вплоть до начала 2010-х гг., после чего замечен спад к ней исследовательского интереса. В российской историографии достаточно подробно изучена политическая и военная деятельность казачьей эмиграции, история создания, функционирования, расформирования наиболее крупных казачьих коллаборационистских частей и соединений. Проработаны причины и предпосылки возникновения казачьего коллаборационизма. Большинство историков определяют численность коллаборантов в казачьей среде в 70 тысяч человек.

Как полномасштабное явление, казачий коллаборационизм изучен достаточно подробно и со многих сторон. Однако, если говорить о региональных аспектах, то представляется, что сотрудничество донских казаков с немцами изучено более подробно, чем коллаборация кубанских и терских казаков. Объяснять это можно не только более высокой степенью организации донских коллаборационистов, но и тем, что о них сохранилось больше исторических источников. Вполне возможно, что эвристический потенциал темы не раскрыт и по другим причинам. Так или иначе, коллаборационизм среди кубанского и терского казачества нуждается в дальнейшем изучении историками.

Говоря о методологических сложностях изучения казачьего коллаборационизма, мы сталкиваемся со следующим рядом проблем: во-первых, открытым остается вопрос, насколько правомерно коллаборационистами называть казаков, покинувших Россию в ходе или сразу после Гражданской войны? Юридически такие лица не являются коллаборационистами, поскольку не были гражданами СССР в период Великой Отечественной войны. В таком случае более правильным было бы считать казачьим коллаборационизмом исключительно факты сотрудничества казаков, проживавших в СССР в 1941-1945 гг. Однако в специализированной литературе Краснов, Шкуро, Вдовенко и другие белоэмигранты, бежавшие в Европу в начале 1920-х гг., причисляются к казачьим коллаборационистам.

Во-вторых, неоднократно в исследованиях поднимается проблема того, что мы не можем в полной мере доверять цифрам из источников, поскольку к казакам могли причислять себя как их действительные потомки или прямые представители, так и любые другие военнопленные, пошедшие на данный шаг для сохранения собственной жизни. Определить точное количество «настоящих» и «ненастоящих» казаков практически невозможно. Поэтому будет более правильным основываться на их численности в 70 тысяч человек.

Наиболее изученными вопросами представляются создание и дальнейшая судьба таких вооруженных формирований, как Казачий стан походных атаманов С.В. Павлова и Т.И. Доманова, 1-я казачья кавалерийская дивизия и 15-й казачий кавалерийский корпус СС генерала Г. фон Паннвица. Наиболее перспективными направлениями изучения казачьего коллаборационизма являются действия казаков-коллаборантов на территории Украины, Белоруссии и стран Европы. В последнее время активно обсуждается вопрос о том, что известные казаки-коллаборанты Доманов и Павлов были агентами, работавшими на органы НКВД – НКГБ (Полян, 2021).

Общие проблемы военного коллаборационизма среди казачества достаточно глубоко исследованы, благодаря историкам предыдущих десятилетий, однако тема нуждается в дальнейшем изучении, в том числе, в специальном рассмотрении действий коллаборационистов в отдельных городах и населенных пунктах на материалах областных и краевых архивов.

Литература

Александров, 2005 – Александров К.М. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели. М.: Яуза, 2005. 752 с.

Богданов, Торхов, 2016 – Богданов С.В., Торхов Я.А. Львовский казачий отряд в системе немецкого оккупационного режима Курской области 1941-1943 гг. [Тамбов] *Грамота*. 2016. № 7(69). Ч. 2. С. 22-25.

Булыга, 2018 – Булыга О.В. Проблема коллаборационизма в СССР в годы Великой Отечественной войны в советской и российской историографии // *Вестник Московского университета*. 2018. № 6. С. 81-96.

Галкин, 1989 – Галкин А.А. Германский фашизм. 2-е изд., доп. и перераб. М.: АН СССР, 1989. 352 с.

Дробязко, 1997 – Дробязко С.И. Восточные формирования в составе Вермахта, 1941-1945 гг.: дисс... канд. ист. наук. М., 1997. 239 с.

Дробязко, 1999 – Дробязко С.И. Вторая мировая война 1939-1945. Восточные легионы и казачьи части в Вермахте. М.: АСТ, 1999. 48 с.

Дробязко, 2004 – Дробязко С.И. Под знаменем врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. М.: Эксмо, 2004. 608 с.

Журавлев, 2009 – Журавлев Е.И. Военно-политический коллаборационизм на юге России в годы немецко-фашистской оккупации (1941-1943 гг.) // *Вестник РУДН. Серия История России*. 2009. № 4. С. 20-33.

Журавлев, 2010 – Журавлев Е.И. Борьба с проявлениями коллаборационизма на юге России в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 годы) // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2010. № 5. С. 61-64.

Журавлев, 2012 – Журавлев Е.И. Политика нацистов по развитию коллаборационизма и ее реализация на Юге России в годы Великой Отечественной войны (1941-1943 гг.) // *Научная мысль Кавказа*. 2012. № 1. С. 60-65.

Ивлев, Юденков, 1988 – Ивлев И.А., Юденков А.Ф. Оружием контрпропаганды: Советская пропаганда среди населения временно оккупированной территории СССР, 1941-1944. М.: Мысль, 1988. 277 с.

Ковалев, 2009 – Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2009. 372 с.

Крикунов, 2005 – Крикунов П.Н. Казаки. Между Гитлером и Сталиным. М.: Яуза, 2005. 607 с.

Кринко, 2013 – Кринко Е.Ф. В составе вермахта и СС: коллаборационистские казачьи части // *Історичні і політологічні дослідження [Донець]*. 2013. № 4 (54). С. 260–269

Кринко, 2019 – Кринко Е.Ф. Казачий коллаборационизм на Дону в годы Великой Отечественной войны // *Казачество в конце XIX – начале XXI вв.: рассказывание и социокультурные трансформации. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 27–28 июня 2019 г.)*. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. С. 98–104.

Линец, 2016 – Линец С.И. Коллаборационизм на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны: истоки, проявления, масштабы // *Россия в глобальном мире*. 2016. № 8 (31) С. 148-164.

Малиницкий, Нежигай, 2023 – Малиницкий Б.А., Нежигай Э.Н. Явление коллаборационизма на Кубани: анализ исторических источников и художественных произведений // *Культурный ландшафт регионов*. 2023. № 2. С. 44-55.

Мартынов, 2015 – Мартынов Б.С. Белые пятна в исследовании коллаборационизма // *Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). Исторические науки*. 2015. № 11 (20). С. 73.

Молодова, 2015 – Молодова И.Ю. Отечественная историография оккупационного режима, функционировавшего на захваченной фашистами территории РСФСР // *Общество: философия, история, культура*. 2015. № 1. С. 29-33.

Полян, 2021 – Полян П.М. Товарищ походный атаман: Новые документы о двурушничестве Тимофея Ивановича Доманова // Трагедия войны: Гуманитарное измерение вооруженных конфликтов XX века. М.: Яуза, 2021. С. 272-282.

Ратушняк, 2013 – Ратушняк О.В. Участие казачества во Второй мировой войне // Исторические науки. Теория и практика общественного развития. 2013. № 3. С. 125-129.

Романько, 2006 – Романько О.В. Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах вермахта и СС. М.: Издатель Быстров, 2006. 668 с.

Табунщикова, 2003 – Табунщикова Л.В. Донские антисоветские казачьи структуры и Германия в 1918 и 1941–1945 гг.: дисс... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 178 с.

Хисамутдинова, 2003 – Хисамутдинова Р.Р. Проблема коллаборационизма в СССР в годы Великой Отечественной войны в современной российской историографии и зарубежной литературе // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2013. № 3 (7). С. 117-124.

References

Aleksandrov, 2005 – Aleksandrov, K.M. (2005) Russkie soldaty Vermahta. Geroi ili predатели [Russian Soldiers of the Wehrmacht. Heroes or Traitors]. М.: Yauza, 752 p. [in Russian]

Bogdanov, Torhov, 2016 – Bogdanov, S.V., Torhov, Ya.A. (2016) Lgovskij kazachij otryad v sisteme nemeckogo okkupacionnogo rezhima Kurskoj oblasti 1941-1943 gg. [Lgov Cossack Detachment in the System of the German Occupation Regime of the Kursk Region 1941–1943] Tambov. Gramota. 7(69). Ch. 2. Pp. 22-25. [in Russian]

Buliga, 2018 – Bulyga, O.V. (2018) Problema kollaboracionizma v SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny v sovetskoj i rossijskoj istoriografii [The Problem of Collaborationism in the USSR during the Great Patriotic War in Soviet and Russian Historiography]. Vestnik Moskovskogo universiteta. 6: 81-96. [in Russian]

Drobyazko, 1997 – Drobyazko, S.I. (1997). Vostochnye formirovaniya v sostave Vermahta, 1941-1945 gg.: diss. ... kand. ist. nauk [Eastern Formations within the Wehrmacht, 1941–1945.] [The Thesis for the Degree of Candidate of Science in History]. М., 239 p. [in Russian]

Drobyazko, 1999 – Drobyazko, S.I. (1999). Vtoraya mirovaya vojna 1939-1945. Vostochnye legiony i kazach'i chasti v Vermahte [World War II 1939-1945. Eastern Legions and Cossack Units in the Wehrmacht]. М.: AST, 48 p. [in Russian]

Drobyazko, 2004 – Drobyazko, S.I. (2004) Pod znamenem vraga. Antisovetskie formirovaniya v sostave germanskih vooruzhennyh sil [Under the Enemy's Banner. Anti-Soviet Formations within the German Armed Forces]. М.: Eksmo, 608 p. [in Russian]

Galkin, 1989 – Galkin, A.A. (1989). Germanskij fashizm [German Fascism]. Ed. B.I. Koval'. 2nd ed. М., 352 p. [in Russian]

Hisamutdinova, 2003 – Hisamutdinova, R.R. (2013). Problema kollaboracionizma v SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny v sovremennoj rossijskoj istoriografii i zarubezhnoj literature [The Problem of Collaboration in the USSR during the Great Patriotic War in Modern Russian Historiography and Foreign Literature]. Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 3(7): 117-124. [in Russian]

Ivlev, Yudenkov, 1988 – Ivlev, I.A., Yudenkov, A.F. (1988) Oruzhiem kontrpropagandy: Sovetskaya propaganda sredi naseleniya vremenno okkupirovannoj territorii SSSR, 1941-1944 [Weapons of Counterpropaganda: Soviet Propaganda among the Population of the Temporarily Occupied Territory of the USSR, 1941-1944]. М., 277 p. [in Russian]

Kovalev, 2009 – Kovalev, B.N. (2009). Kollaboracionizm v Rossii v 1941-1945: tipy i formy [Collaborationism in Russia in 1941-1945: Types and Forms]. Velikij Novgorod: NovGU imeni Yaroslava Mudrogo, 372 p. [in Russian]

Krikunov, 2005 – Krikunov, P.A. (2005) Kazaki. Mezhdru Gitlerom i Stalinym [Cossacks. Between Hitler and Stalin]. М.: Yauza, 607 p. [in Russian]

Krinko, 2013 – Krinko, E.F. (2023). V sostave vermahta i SS: kollaboracionistskie kazachi chasti [As a Part of the Wehrmacht and SS: Collaborationist Cossack Units] Istorichni i politologichni doslidzhennya [Doneck]. № 4 (54), pp. 260-269. [in Russian]

Krinko, 2019 – Krinko, E.F. (2023). Kazachij kollaboracionizm na Donu v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Cossack Collaborationism on the Don during the Great Patriotic War] Kazachestvo v konce XIX – nachale XXI vv.: raskazachivanie i sociokulturnye transformacii.

Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (g. Rostov-na-Donu, 27–28 iyunya 2019 g.). Rostov-na-Donu: Izd-vo YuNC RAN, pp. 98-104. [in Russian]

[Linec, 2016](#) – *Linec, S.I.* (2016). Kollaboracionizm na Severnom Kavkaze v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: istoki, proyavleniya, masshtaby [Collaborationism in the North Caucasus during the Great Patriotic War: Origins, Manifestations, Scale] *Rossiya v global'nom mire*, № 8 (31), pp. 148-164. [in Russian]

[Malinickij, Nezhigaj, 2023](#) – *Malinickij, B.A., Nezhigaj, E.N.* (2023). Yavlenie kollaboracionizma na Kubani: analiz istoricheskikh istochnikov i hudozhestvennyh proizvedenij [The Phenomenon of Collaboration in the Kuban: Analysis of Historical Sources and Works of Art] *Kulturnyj landshaft regionov*. 2: 44-55. [in Russian]

[Martynov, 2015](#) – *Martynov, B.S.* (2015). Belye pyatna v issledovanii kollaboracionizma [Blind Spots in the Study of Collaboration] *Evrazijskij Soyuz Uchenyh (ESU). Istoricheskie nauki*. 11(20): 73. [in Russian]

[Molodova, 2015](#) – *Molodova, I.Yu.* (2015). Otechestvennaya istoriografiya okkupacionnogo rezhima, funkcionirovavshogo na zahvachennoj fashistami territorii RSFSR [National historiography of the occupation regime that functioned on the territory of the RSFSR captured by the Nazis]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tur*. 1: 29-33. [in Russian]

[Polyan, 2021](#) – *Polyan, P.M.* (2021). Tovarithch pohodnyj ataman: Novye dokumenty o dvurushnichestve Timofeya Ivanovicha Domanova [Comrade Ataman: New Documents about the Double-Dealing of Timofey Ivanovich Domanov]. *Tragediya vojny: Gumanitarnoe izmerenie vooruzhennykh konfliktov XX veka*. M.: Yauza, pp. 272-282. [in Russian]

[Ratushnyak, 2013](#) – *Ratushnyak, O.V.* (2013). Uchastie kazachestva vo Vtoroj mirovoj vojne [Participation of the Cossacks in World War II] *Istoricheskie nauki. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 3: 125-129. [in Russian]

[Roman'ko, 2006](#) – *Roman'ko, O.V.* (2006). Sovetskij legion Gitlera. Grazhdane SSSR v ryadah vermahta i SS [Hitler's Soviet Legion. Citizens of the USSR in the Ranks of the Wehrmacht and SS]. M.: Izdatel' Bystrov, 668 p. [in Russian]

[Tabunshikova, 2003](#) – *Tabunshikova, L.V.* (2003). Donskie antisovetskie kazachi struktury i Germaniya v 1918 i 1941–1945 gg. diss. ... kand. ist. nauk [Don anti-Soviet Cossack structures and Germany in 1918 and 1941–1945]. [The Thesis for the Degree of Candidate of Science in History]. Rostov-on-Don, 178 p. [in Russian]

[Zhuravlev, 2009](#) – *Zhuravlev, E.I.* (2009). Voенно-politicheskij kollaboracionizm na yuge Rossii v gody nemecko-fashistskoj okkupacii (1941-1943 gg.) [Military-Political Collaborationism in the South of Russia During the Years of Nazi Occupation]. *Vestnik RUDN. Seriya Istoriya Rossii*. 4: 20-33. [in Russian]

[Zhuravlev, 2010](#) – *Zhuravlev, E.I.* (2010). Bor'ba s proyavleniyami kollaboracionizma na yuge Rossii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941-1945 gody) [The Fight against Manifestations of Collaborationism in the South of Russia during the Great Patriotic War (1941-1945)]. *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki*. 5: 61-64. [in Russian]

[Zhuravlev, 2012](#) – *Zhuravlev, E.I.* (2012). Politika nacistov po razvitiyu kollaboracionizma i ee realizaciya na YUge Rossii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941-1943gg.) [The Nazi Policy on the Development of Collaborationism and its Implementation in the South of Russia during the Great Patriotic War]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 1: 60-65. [in Russian]

Российская историография казачьего коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Михаил Валерьевич Погребовский ^{a, *}

^a Южный федеральный университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: pogrebovskijmihail@mail.ru (М.В. Погребовский)

Аннотация. В статье анализируется современная российская историография казачьего коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны. Основными историографическими источниками выступают монографии, диссертации и научные статьи российских историков. Интерес к данной теме возник в конце 1990-х гг., но с начала 2010-х гг. отмечен спад исследовательского внимания к казачьему коллаборационизму. В российской историографии достаточно подробно изучена политическая и военная деятельность казачьей эмиграции, история создания, функционирования, расформирования наиболее крупных казачьих коллаборационистских формирований: Казачьего стана походных атаманов С.В. Павлова и Т.И. Доманова, 1-й казачья кавалерийская дивизия и 15-й казачий кавалерийский корпус СС генерала Г. фон Паннвица. Наиболее перспективными направлениями дальнейшего изучения казачьего коллаборационизма являются действия казаков-коллаборантов на территории Украины, Белоруссии и стран Европы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, коллаборационизм, казачество, нацистская оккупация, российская историография, Дон, Кубань, Терек.